

НЕЗАВИСИМАЯ

05.06.2001

| [СТИЛЬ ЖИЗНИ](#)

Владимир Попов

В чем устойчивость китайского велосипеда

Сохранение дееспособных институтов - причина успеха китайской экономики

РЫНОК и экономическая либерализация - вещь хорошая, что и говорить; при прочих равных условиях рыночная экономика эффективнее плановой, но только при прочих равных, *ceteris paribus*. Далеко не последнее место среди них занимает институциональный потенциал государственной власти. Экономическая либерализация без сильных институтов, как и в СНГ в 90-е годы XX века, в Китае после "опиумных войн" 1840-1842 гг. и 1856-1860 гг. не привела к улучшению экономической динамики, даже несмотря на прогресс технологии. Напротив, после 1978 г. та же экономическая либерализация, но только при работающих институтах, доставшихся в наследство от Мао, создала экономическое чудо.

Данные разнятся, в них много несоответствий, статистика не поспевает за быстрым китайским ростом, многие будут спорить с тем, что китайские реальные доходы выросли в 5 раз за период реформ. Но факт остается фактом.

Чтобы представить себе удвоение реальных доходов каждые 10 лет, надо видеть это своими глазами. Это значит, что вы начинали свою трудовую жизнь 20 лет назад с зарплатой в 50 долларов в месяц, а сейчас, когда вам всего только сорок, вы получаете 500 долларов (с поправкой на 3-процентную инфляцию и минимальное продвижение по службе). Еще десять лет - и вы будете получать более 2000 долларов в месяц, а к моменту ухода на пенсию - 5000 долларов. Многие начинали жизнь бедняками, а заканчивали богачами, но только в Восточной Азии это случалось с основной массой населения целых стран. Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, а теперь вот и Китай. Но в Китае все это разворачивается на глазах моего поколения в десятикратных, стократных масштабах, так что в буквальном смысле слова дух захватывает, когда видишь перемены своими глазами.

Почему в Китае не было падения производства во время рыночных реформ, как это произошло в России, СНГ, восточноевропейских странах? Единого мнения у исследователей до сих пор нет, тем более, что вопрос сильно политизирован. Китай был первой плановой экономикой, запустившей рыночные реформы (не считая советского НЭПа) на 10 лет раньше, чем восточноевропейские страны и СССР. Результаты были поразительными - производство зерна

благодаря переходу от коммун к семейному подряду и разрешению продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам возросло вдвое за неполные 10 лет, доля инвестиций в ВВП поднялась с менее 30 до более 40%, темпы роста - с 5 до 10%. Тогда считалось, что экономическая либерализация творит чудеса, чем ее больше, тем лучше. Однако опыт Восточной Европы, где падение производства составило 20-30% и продолжалось 2-3 года, и тем более опыт бывшего СССР, где производство падало почти 10 лет и упало, грубым счетом, вдвое, заставил многое переосмыслить.

По масштабам экономической либерализации Китай и сейчас находится где-то на уровне России и сильно отстает от восточноевропейских стран - сводные индексы экономической свободы, ежегодно рассчитываемые Heritage Foundation для многих десятков стран мира, в Китае и России в 1995-2000 гг. были примерно одинаковы; в 80-е же годы, в первое десятилетие реформ, когда более половины всех цен еще контролировалось сверху, экономической свободы и рынка в Китае было намного меньше, чем у нас в 90-е. Результаты тем не менее оказались в корне противоположными - полулиберализованная китайская экономика ускорялась, а наша либерализованная камнем падала вниз. Китайский градуализм многие стали ставить в пример - мол, вот какие впечатляющие результаты, если не ломать через коленку, а реформировать осторожно. Дело, однако, было не в градуализме.

В Азии, кстати сказать, и шокотерапию проходили раньше европейцев. Не слишком известный среди неспециалистов факт: Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами "горбачевского" толка (1986-1989 гг.) в марте 1989 г., на 9 месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, единовременно дерегулировав 90% всех цен, девальвировав донг и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама - до 7% в год в 90-е годы).

Получается примерно следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике - Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухканальную систему цен и реализации продукции (плановую и рыночную), тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода к рынку не играет никакой роли? В общем, да, именно так и получается, если под стратегией понимать скорость реформ: темпы либерализации - это третьестепенный фактор экономической динамики, есть более важные факторы, которые исследователи упустили, заиклившись на споре "шокотерапия или градуализм".

Несколько огрубляя, можно сказать, что таких решающих факторов три. Во-первых, исходные условия, наследие прошлого, степень деформации экономики плановой системой - от этого зависит, насколько сложно ее реформировать и с какими издержками это будет связано. Во-вторых - способность государства обеспечить сильные работающие институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую "правильной" политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты, сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ. И, наконец, в третьих, макроэкономическая и промышленная политика, стимулирующая рост. В Китае было и то, и другое, и третье. В Центральной Европе исходные условия были плохими - экономика была сильно деформирована, институты работали, а вот политика благоприятствовала росту только отчасти - с макроэкономической стабилизацией все было в порядке, а вот промышленная политика в лучшем случае была нейтральной, а не экспортно-ориентированной, как в Китае. В России и СНГ все было не так - и с исходными условиями не повезло, и институты развалились, и политика - хуже некуда.

Время прошлого для китайских реформаторов не было столь тяжелым как в Восточной Европе и СССР из-за низкого уровня развития и индустриализации и относительно низких военных расходов. Китайские сельские коммуны, скажем, оказалось возможным в 1979 г. "раздать на огороды" без ущерба для технологии и эффективности. Напротив, советские колхозы и совхозы базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья до хранилищ и ремонтной базы), большую часть которой переход к семейным фермам неизбежно превращал в груды металлолома. В промышленности китайский успех зиждился на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия до сих пор остаются узким местом китайской экономики.

Таким образом, получается следующая картина: масштабы падения/роста производства при переходе к рынку зависят от начальных условий - от уровня развития ("преимущества отсталости") и накопленных за время централизованного планирования диспропорций в структуре экономики и внешней торговле, а также от способности сохранить эффективные институты во время либерализации. При этом темпы либерализации, которые обычно считаются важнейшей составляющей экономической политики, не играют особенной роли.

Горбачевские реформы, иначе говоря, провалились не потому, что были постепенными или недостаточно демократическими, но из-за ослабления институтов государственной власти (накопление отложенного потребительского спроса, рост теневой экономики и снижение бюджетных доходов, ослабление плановой дисциплины и т.п.) - падение производства у нас началось еще при Горбачеве, в 1990 г. Подобным же образом ельцинские реформы привели к дальнейшему падению производства не потому, что были "слишком" радикальными или демократичными, но из-за продолжавшегося ослабления институтов (дальнейшее расширение теневой экономики и падение доходов бюджета, подрыв законности и правопорядка и т.д.). Урок, кажется, достаточно очевиден: никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения. И, наоборот, при сильных институтах любая либерализация - и радикальная, и постепенная, и демократическая, и авторитарная - дает экономические дивиденды в виде роста производства.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет "романа" постсоциалистической трансформации - сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

И, наконец, последний фактор - макроэкономическая и промышленная политика. С инфляцией (макроэкономическая политика) в Китае практически всегда было все в порядке, даже лучше, чем в большинстве стран Восточной Европы, а в последние годы инфляции в Китае вообще нет, в 1998-2000 гг. цены снижались. Однако, кроме того, Китай выгодно отличался от европейских переходных экономик тем, что постоянно стимулировал экспорт и смог, таким образом, оседлать конек экспортно-ориентированного роста.

Есть два варианта промышленной политики - импортзамещение и поощрение экспорта. Грубо говоря, в рамках первого варианта приоритет отдается слабым и неконкурентоспособным отраслям, тогда как в рамках второго варианта стимулируются, напротив, сильные и конкурентоспособные отрасли. При экспортной ориентации государство подталкивает развитие в том направлении, в котором рынок уже движется, при импортзамещении, наоборот, идет против

рынка, гладит против шерсти. В своем крайнем варианте импортзамещение - это стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является занижение валютного курса через накопление валютных резервов Центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается.

В Восточной Европе промышленная стратегия была более или менее нейтральной, то есть государство не создавало особых привилегий ни сильным, ни слабым отраслям, а вот в СНГ, и особенно в России, эта стратегия была и остается ориентированной на импортзамещение. Производство и инвестиции в 90-е годы у нас падали не только в слабых, неконкурентоспособных отраслях (сельское хозяйство, большинство секторов машиностроения, легкая промышленность), но и в самом что ни на есть конкурентоспособном сырьевом секторе (ТЭК, черная и цветная металлургия). А в Китае производство ни в каких отраслях не падало, просто в одних росло на 20% в год, а в других на 7%.

Китайскую экономику, как и любую другую быстрорастущую, часто сравнивают с велосипедом, который может сохранять устойчивость лишь до тех пор, пока находится в движении...

Мы не знаем пока что наверняка, почему Восточная Азия росла быстрее всех в послевоенный период; не знаем, почему китайские коллективно-муниципальные предприятия (TVE - township and village enterprises) с самыми неясными правами собственности в мире, увеличивали объем производства в 80-90-е годы на 20% в год; не знаем, что лучше - англо-американская система контроля и финансирования корпораций (основанная на рынке акций) или же германо-японская (основанная на банках и других финансовых институтах); не знаем наверняка, какие именно отрасли государство должно поддерживать и должно ли вообще; в общем - много чего не знаем. А если не знаем, то можно и нужно спорить до хрипоты, но не стоит спешить с оргвыводами, не надо с порога отвергать китайский опыт, который был у нас когда-то так популярен. Нетерпение ума - плохой советчик, чем больше узнаешь о Китае, тем больше хочется узнать. Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли.

материалы: Независимая Газета© 1999-2006

Опубликовано в [Независимой Газете](#) от 05.06.2001
Оригинал: http://www.ng.ru/style/2001-06-05/16_bicycle.html